

Д. В. МАЗАРЧУК

ПОТЕСТАРНОЕ VERSUS ПОЛИТИЧЕСКОЕ (ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТЕРМИНОВ)

Термин «политическая антропология» был введен в 1959 г. американским политологом Д. Истоном. В настоящее время под ним понимается изучение институтов управления и соответствующей практики у этнических сообществ, в особенности в примитивных обществах и обществах с племенным строем. Для советской марксистской науки данный термин был неприемлем. Доклассовое общество предполагает качественно иную организацию власти, нежели классовое. Ведь, по словам В. И. Ленина, «государство есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в повиновении одному классу прочие подчиненные классы» («О государстве»). Поэтому для доклассового общества термины «государство» и «политика» неприменимы. Между тем факты свидетельствовали об отношениях господства и подчинения в доклассовом обществе, о существовании там организации власти.

Необходимо было найти термин, который бы, с одной стороны, соответствовал догме классовой теории, а с другой стороны, позволял советской этнографии и другим дисциплинам работать с имеющимся эмпирическим материалом.

Первоначально на роль такого термина претендовало словосочетание «военная демократия», освященное авторитетом Ф. Энгельса. Соратник Маркса заимствовал его у Л. Г. Моргана, понимая под ним трехчленную форму организации власти (военный предводитель, совет старейшин, народное собрание), при которой «война и организация для войны становятся регулярными функциями народной жизни». Такое положение сочетается с элементами «первобытной демократии» в лице указанных совета и собрания («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). В этом смысле термин «военная демократия» применялся в СССР многими исследователями для обозначения универсальной стадии развития, переходной от родового общества к классовому и государственному. Мало кто обращал внимание на

то что этот термин по сути является оксюмороном. Однако достаточно рано стало видно, что стремление абсолютизировать его, распространить на все общества, включив в схему всемирно-исторического процесса, необоснованно. Тогда под «военной демократией» стали понимать не особую стадию развития человечества, а переходную форму организации и управления обществом от родового строя к государству (*Ковалевский С. Д.* К вопросу о понятии «военная демократия» // Средние века. Вып. 46. М, 1983. С. 203). Подвергался критике и тезис о том, что «военная демократия» представляет собой такую форму социально-политической организации, которая в определенных условиях непосредственно предшествует государству. По предположению А. М. Хазанова, это невозможно без еще одной промежуточной формы, которую он первоначально обозначал понятием «варварское государство», или «предгосударство» (*Хазанов А. М.* «Военная демократия» и эпоха классообразования // Вопросы истории. 1968. № 12).

Новый этап развития рассматриваемой дисциплины в Советском Союзе связан с утверждением нового термина - «потестарность». Чтобы проникнуть в сущность властных отношений в доклассовом и раннеклассовом обществе, исследователи обратились к проблеме этноса. Это было закономерно. Если отношения властвования не основаны на классовом антагонизме, значит, необходимо искать их опору в другом явлении. При понимании этноса как социального, а не биологического явления «роль [его структурообразующей формы] могут выполнять самые различные социальные общности: от семьи до государства» (*Брошей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973. С. 39). Социальное и «политическое» сплеталось в этносах раннеклассовой эпохи воедино. Это поняли такие ученые, как Ю. В. Бромлей, Л. Е. Куббель, М- В. Крюков, В. И. Козлов. Все названные лица - этнографы, пытавшиеся решить главную проблему своей науки — определить ее предмет. В 1972 г. для обозначения отношений власти и властвования в доклассовом и раннеклассовом обществе Ю. В. Бромлей предложил термин «потестарный» (от лат. *potestas* - «власть»), В 1979 г. Л. Е. Куббель предложил называть политическую антропологию потестарно-политической этнографией (*Куббель Л. Е.* Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 242-243).

Если в классовом обществе этнические процессы определяются классовым фактором и этнические различия оказываются второстепенными по сравнению с классовыми, то на предшествующих стадиях развития именно потестарная организация выступала фактором этнической дифференциации и консолидации. Она выполняет функцию организации территории, а этнос без территории, равно как без потестарной и политической организации, не существует. Напомним, что ключевым моментом теории этноса Ю. В. Бромлея

было разграничение этникоса (общность, объединяемая самосознанием и культурными традициями) и собственно этноса в широком смысле (с добавлением указанных факторов). Не случайно начало этногенеза связывалось некоторыми исследователями с такой ранней формой социо-политической организации, как племя. В эпоху раннеклассового общества потестарно-политическая организация в значительной степени продолжала стимулировать этнические процессы, в частности, образование новых этносов. Как уже указывалось, весьма активно эта тема разрабатывалась на материале африканских традиционных обществ.

Подчеркнем то, что понятие «потестарность» использовалось советскими этнографами в целях соблюдения марксистской «правоверности», ибо, по замечанию Л. Е. Куббеля, оно «должным образом подчеркивало принципиальный рубеж между этими отношениями [власти и властвования] до и после преодоления порога классового общества» (*Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 20*). Надо сказать, что указанный автор постоянно применял словосочетание «потестарно-политический» с целью подчеркнуть исключительно горизонтальное отличие этих двух понятий. В парадигме стадиялизма такое точное словоупотребление, безусловно, было очень важным. Однако те, кто его использовал, нередко признавали, что граница между «потестарным» и «политическим» уловима слабо.

Попыткой разрешить эту проблему является предложение Х. М. Думанова и Я. С. Смирновой разграничить указанные понятия как родовое и видовое (*Думанов Х. М., Смирнова Я. С. К уточнению понятия «обычное право» // Восток. 2000. №). С. 33*). С иным предложением выступили авторы книги «Потестарность: генезис и эволюция» (СПб., 1997), представив титульное понятие в качестве синонима «властвованию» и «волевому доминированию». Они подчеркнули, что если сводить понятие власти исключительно к физическому насилию, подкрепленному формальными санкциями и карательными структурами, то оно действительно будет различаться в классовом и доклассовом обществах. При этом авторы критикуют гидравлическое понимание сущности отношений властвования в классовом обществе. Действительно, если понимать власть как способность принимать и навязывать решения, которые обязательны, то она вовсе не обязательно предполагает подчинение из страха перед насилием. Существует несколько типов властного поведения, каждый из которых определяется своим источником мотивации.

Итак, понятие власти не предполагает в качестве обязательного условия насилие, а следовательно, и специальную организацию насилия. В этом случае термин «потестарное» сольется с термином «политическое» и утратит самостоятельное значение, а значит, в соответствии с «бритвой Оккама», и право на существование. Так будет, если признать отношения властвования

одинаковыми для доклассовой и классовой эпохи. Для подкрепления этого вывода укажем на три обстоятельства, качественно меняющих ту картину теории господства, которая была принята в советской науке: 1) граница государственности условна ввиду неясности понятия «государство»; 2) процессы политогенеза и классовогенеза не имеют прямой зависимости; 3) отношения неравенства, иерархии и властвования имеют соответствия и даже корни в природном мире.